

Расово-этнический баланс цивилизаций

© Ю.Д. Гранин

Институт философии Российской академии наук, Москва, 109240, Россия

На основе социально-конструктивистского понимания истории человечества предложено авторское видение цивилизаций и их структуры. Показано, что соблюдение расово-этнического баланса в структуре населения цивилизационных образований (государств-цивилизаций) является значимым фактором их эволюции или упадка. На конкретных исторических примерах доказана позитивная значимость империй как наилучшей политической формы для возникновения, развития и распространения цивилизаций на большие расстояния. Проведен сравнительный анализ концепций расового реализма и расового разнообразия, выявлены их достоинства и недостатки. Обоснована необходимость соблюдения расово-этнического баланса для современных государств-цивилизаций. Сделан вывод, что нарушение данного баланса в государствах ЕС и США способствует деколлективизации Запада, а в более отдаленной перспективе — деградации всей евро-атлантической цивилизации.

Ключевые слова: деколлективизация Запада, империя, раса, расовый реализм, цивилизация, этнос

Стратегическое противостояние России и Запада только в XXI в. длится более полутора десятилетий. Но до недавнего времени этот конфликт в официальных российских документах интерпретировался преимущественно в категориях геополитики и мир-системного анализа. Даже начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция РФ на Украине не изменила ракурс видения. Потребовалось больше года, чтобы коллективизация Запада и развязанная им тотальная гибридная война были осознаны как реинкарнация многовековой, массовой англо-саксонской и романо-германской русофобии. За нарастающими поставками вооружений, экономическими, политическими, научно-техническими и другими санкциями против России отчетливо проступил конфликт *евро-атлантической и российской цивилизаций* — сегодняшних геоэкономических, геокультурных и геополитических воплощений многомиллионных сообществ с разными представлениями о порядках совместной жизни народов и разным ценностно-смысловым каркасом, определяющим видение справедливого мироустройства. И только тогда цивилизационный статус России получил официальное признание высшим руководством страны.

31 марта 2023 г. Президент Владимир Путин подписал Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», пункт 4 которого определяет Россию «как самобытное государство-цивилизацию», как «обширную евразийскую и евро-тихоокеанскую

державу, сплотившую русский народ и другие народы, *составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира*» (курсив авт. — Ю.Г.). Что такое «государство-цивилизация», «культурно-цивилизационная общность» и «Русский мир», не поясняется, так как до недавнего времени теоретические позиции «цивилизационщиков» обществоведы оценивали как весьма спорные. До сих пор в работах исследователей бытует мнение о необходимости либо вовсе элиминировать понятие «цивилизация» из научного дискурса в силу «многозначности» и «смутности» его содержания [1, 2], либо сохранить его, при этом рассматривая цивилизации как когнитивные конструкты, т. е. ««воображаемые сообщества»», по своему масштабу занимающие промежуточное положение между отдельными нациями и всем человечеством» [3, с. 65].

И та и другая точка зрения неубедительны. Цивилизации не только «воображаемые», но и вполне реальные сообщества, а многообразие интерпретаций этих социально-исторических феноменов в науке вполне естественно. В частности, одной из таких широко тиражируемых интерпретаций является понимание цивилизаций как долговременных «исторических структур» (восходящее к Фернану Броделю), которые, невзирая на политические, экономические и социальные катаклизмы, перевороты и революции, продолжают свое существование на протяжении многих столетий. По мнению автора настоящей статьи, это ошибочная точка зрения [4]. Как и другие исторические феномены, цивилизации возникают, развиваются и гибнут под действием многих причин. Одна из главных — нарушение расово-этнического баланса «цивилизаций» и сопутствующих их становлению и распространению «империй». Начать обсуждение этого вопроса целесообразно с уточнения содержания данных дефиниций.

Цивилизации и факторы их трансформации. Зафиксируем очевидное. Несмотря на многолетнюю историю изучения цивилизаций, общепринятого (нормативного) понимания этих исторических феноменов до сих пор не выработано. Кроме того, большинство понятий, используемых в философских, социальных и гуманитарных дисциплинах («общество», «культура», «этнос», «нация», «государство» и др.), тоже не имеют общепринятого толкования. Означает ли это, что от них, как считают некоторые, следует отказаться? Разумеется, нет. Однако в каждом конкретном случае их использования необходимо эксплицировать философско-исторические основания, на которых они выстраиваются. В данном случае одним из таких оснований будет восходящее к Марксу социально-конструктивистское понимание истории человечества, в пространстве которого термин «цивилизация» обретает всемирно-исторический смысл, фиксируя один из многовековых периодов и одновременно процессов социальной эволюции человечества.

В этом контексте социальная эволюция человечества интерпретируется как *нелинейный процесс смены состояний развития*: от *состояния* «первобытности» (дикости) через *состояние* «варварства» к *состоянию* «цивилизации» (иначе — «цивилизованности»). Каждое из данных состояний характеризуется *особыми общественными* (т. е. политическими, социальными, экономическими, культурными, ментальными и иными) *порядками* жизни сообществ людей. Общественные порядки организации и развития экономической, политической, социальной и иных сфер жизни человеческих сообществ взаимно обуславливают друг друга. При этом ведущая роль принадлежит культурным (и соответствующим им ментальным) порядкам как основным средствам трансляции социального опыта.

Например, эволюция социальных порядков от состояния первобытности к варварству шла по линии «семья — семейная группа (сосредотачивающаяся в стойбища или деревни) — род — племя — этнос». Эти сообщества характеризовались разными политическими формами организации совместной жизни: «сообщества без постоянного лидерства — сообщество с бигменом — вождество (чифдом) — сложное вождество (сложный чифдом), иначе — протогосударство». Экономическое и социальное неравенство, разрушившее ритуалы солидарности и взаимопомощи, появляется при переходе первобытных сообществ в состояние варварства, а затем — в состояние цивилизации (цивилизованности). Для этого состояния, отмечают социогенетики, характерно наличие общественных институтов, обеспечивающих воспроизводство и трансляцию общих норм и ценностей — регуляторов порядков совместной жизни. Самыми важными из них становятся корпорации, организованные по профессиональной принадлежности (жреческие, ремесленные, торговые, военные и др.), системы образования (школы) и, разумеется, «государства» как главные факторы появления письменного права и обособившихся видов духовно-практической деятельности: первых «наук» и «искусств».

К сожалению, автор настоящей статьи не имеет возможности подробно разбирать отличия варварских и цивилизованных сообществ. Отметим лишь очевидные дисциплинарные разрывы в совокупном научном дискурсе: исторически сложилось так, что изучение варварских сообществ на протяжении многих десятилетий осуществлялось (и продолжается) специалистами в области исторической, политической и культурной антропологии, тогда как изучение цивилизаций и формирование цивилизационного подхода к анализу исторического процесса оказалось уделом философов, социологов, культурологов и макроисториков. В итоге к настоящему времени был сформирован и обоснован комплекс идей и гипотез, наиболее значимыми из которых были и остаются восходящие к Ф. Броделю идеи изучения цивилизаций

в качестве сложных «человеческих ассоциаций», которые не следует путать с «культурными системами» (П. Сорокин), а продуктивно рассматривать как системно организованные и структурированные большие сообщества (общности) людей, базовыми источниками эволюции которых оказываются «модернизации» и социальные революции (Ш. Айзенштадт).

Опираясь на данные эмпирически подтверждаемые гипотезы, можно предложить социально-философское (трансдисциплинарное) определение термина «цивилизация». В этом аспекте цивилизация может быть определена в качестве понятия *«для обозначения разнообразия культурно-исторических типов развития экономически и политически связанных больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей), субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей»* [4, с. 37]. В историческом аспекте цивилизации продуктивно интерпретировать в двух модусах осуществления: как процессы и как состояния. В каждый отдельно взятый момент времени цивилизации в качестве больших, но неоднородных сообществ характеризуются определенным состоянием общественных (политических, экономических, культурных и т. д.) порядков совместной жизни для многочисленных народов (этносов), проживающих на их территориях. Но это состояние общественных порядков процессуально — изменяемо в ходе модернизаций и социальных революций. Социальные революции являются основными внутренними факторами цивилизационной динамики, главным источником которой оказывается фундаментальное духовно-интеллектуальное напряжение между мировоззренчески выраженными «трансцендентным и мирским порядком» жизни, с одной стороны, и «трансцендентальными и мирскими порядками» совместной жизни — с другой [5].

В предыдущих работах автор настоящей статьи подробно анализировал этот вопрос, обращая внимание на культурную и этническую разноликость цивилизаций, их довольно сложную структуру: наличие *центрального ядра* цивилизации — *основного народа, официального языка межэтнического общения* и созданной на его основе *доминантной транскультуры* (от лат. *trans* — сквозь, через, за) и корреспондирующей с ней *исторической метаидеологии* — вырабатываемой и распространяемой религиозными и светскими интеллектуалами совокупности концептуально оформленных *сакральных и светских представлений и идей о месте цивилизации* (территориально большого и этнически многообразного сообщества людей) *на «шкале истории»*, которая соотносит государственное строительство этого сообщества, его социальные предпочтения и официальную

(ядерную) культуру и стиль жизни с предполагаемым трансцендентным назначением человечества. В данном случае необходимо подчеркнуть институциональное измерение всех цивилизаций: каждая цивилизация представляет собой некое *социокультурное целое, образованное соединением культурного ядра со многими социальными институтами и закрепленное ими.*

Самым важным из таких институтов оказывалось государство, которое, будучи одновременно отделенным от основной части общества системой власти, в свою очередь, становится политической формой организации и распространения цивилизации. Наличие развитого государства — то, что всегда принципиально отличало цивилизации от окружающего их варварского мира, кочевые и оседлые социумы которого характеризовались (и характеризуются) в лучшем случае протогосударственными формами политической организации совместной жизни. А наиболее успешной государственной формой и фактором распространения цивилизаций на большие расстояния во многих регионах планеты были самые крупные государственные образования: империи, которые лучше называть универсальными государствами. Этот вопрос требует специального рассмотрения.

Империи как универсальные государства. Следует отметить, что имперские образования различались не только формами правления (аристократическими, олигархическими, монархическими, демократическими) и государственного устройства (унитарные и федеративные империи), но и множеством других характеристик. Поэтому общепринятой трактовки феномена «империя» и его классического определения в научной литературе не существует. Зато господствуют идеологически ангажированные и ошибочные квалификации империй как «наихудших форм правления» и «тюрем народов», как государств, основанных на военном и экономическом насилии. При этом благополучно забывают, что государства всех типов, в том числе и «национальные государства» Европы, были образованы путем войн и поддерживали свое существование за счет масштабного насилия. Неслучайно Ч. Тилли, блестяще проанализировавший историю формирования европейских государств, назвал этот процесс «узаконенным рэкетом» [6]. Так что апелляция к завоеваниям и насилию как специфической характеристике империй не является аргументом для отказа от этой формы государственного устройства.

История свидетельствует: подавляющее большинство империй действительно образовывалось и расширялось путем завоеваний, но их дальнейшая судьба была связана отнюдь не с «насилием одного этноса над другими» [7], а с различными формами легитимного господства и культурного доминирования, искусным воплощением которых можно объяснить многовековое существование империй.

В контексте всемирной истории империи продуктивно интерпретировать как *большие высокоцентрализованные полиэтнические государства с открытыми порядками жизни, универсальный* (т. е. пригодный для многих целей) *характер которых* (вне зависимости от монархической, республиканской и иных форм правления, унитарного или федеративного способа государственного устройства) *оказывался наиболее эффективной политической формой легитимного сосуществования народов и распространения цивилизаций на большие расстояния.*

Разумеется, ни одно определение империи, абстрагирующееся от многообразия исторических воплощений имперских государств, не может вместить явленное веками их феноменальное разнообразие. Реагируя на эту очевидность, Доминик Ливен образно констатировал: *«Империя — это сложная и изысканная область науки, населенная леопардами и другими дикими созданиями. Свести все это к определениям и формулам — значит превратить леопарда в домашнюю киску, дефективную, уродливую, трехногую и бесхвостую»* [8, с. 682]. Действительно, этого делать не следует. Однако опираясь на гигантское собрание научных и околонучных исторических нарративов, посвященных империям, можно без труда обнаружить, что эти «леопарды истории» совсем не были «дикими созданиями», стремящимися поглотить и насытиться «плотью и кровью» сопредельных с ними народов. Таковыми они выглядят лишь из пространства агрессивной геополитики. В другом горизонте исторического анализа всемирно-исторического движения человечества от варварских к цивилизованным формам и порядкам совместной жизни — жизнь этих «диких созданий» обретает совсем иной смысл.

Сегодня империя и соответствующие ей реалии воспринимаются как нечто регрессивное. Однако на протяжении многих столетий до и после нашей эры *имперская политическая форма несла в себе позитивный культурно-исторический и социальный смысл*, утверждая в колониях и провинциях единую для всех государственную политическую идеологию и единые законы совместного проживания миллионов этнически и религиозно разных людей. Исключение составляли так называемые степные империи (Чингиз-Хана, Тамерлана и др.), милитарное властвование которых над покоренными народами не вело ни к какому (экономическому, политическому и культурному) развитию. Их правильно именовать полуварварскими восточными деспотиями и отличать от собственно империй. По мнению автора статьи, империи от неимперий отличаются не формой правления и государственного устройства, а цивилизационно: *в истории Евразии империи выступали наиболее адекватной политической формой цивилизаций, были политическим способом существования и распространения*

разнообразных цивилизационных моделей жизни — форм и институтов политического, экономического, социального и культурно-духовного развития.

В чем, например, всемирно-историческое значение образования империи Александра Македонского и великой Римской империи? Прежде всего в том, что они способствовали распространению великой греко-римской культуры и новых моделей жизни на огромных пространствах Ойкумены, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех этносов и народов *государственную надэтническую идеологию и единые законы совместно проживания*. Правовой порядок совместной жизни, верховенство закона над контролируемым обычаем самовластием, присущим патримоническим (племенным) сообществам окружающих цивилизации варварского мира, — характерная черта империума, интерпретируемая его гражданами и подданными как наилучшая форма государственного устройства, как Благо, нести которое дикарям имеют право и обязаны цивилизованные народы. А им было чем гордиться. Они прокладывали торговые пути, строили дороги и акведуки, величественные театры и цирки, общественные термы и школы, библиотеки, создавали великие произведения науки и техники, архитектуры, поэзии, драматургии и философии — тот мир цивилизации, видя который прибывающие из лесов и степей варвары испытывали культурный шок, сравнивая свой убогий мир с величием империй.

Конечно, не все цивилизации и не все империи были равновеликими. Но когда, например, Великое княжество Московское, а затем и Россия колонизировали в XV–XIX столетиях сначала земли за Волгой и за Уралом, затем в Крыму, Малороссии, на Кавказе и Средней Азии, они, по сути, выполняли все ту же цивилизаторскую миссию, реализуя римскую идею организации единого пространства и единых прав гражданина и подданного в Евразии. В данном случае не важно, чей юридический кодекс — римский или московский — был лучше. Важно, что превращение десятков миллионов этнически и конфессионально разных людей в граждан или подданных одного государства создавало возможность для сосуществования и взаимобогащения различных культур и религий, для нормальной хозяйственной жизни, научного и технического прогресса. Фактически речь шла о цивилизации огромных масс людей имперских территорий.

Имея в виду это обстоятельство, некоторые исследователи справедливо предпочитают писать не о локальных цивилизациях, а о цивилизационно-имперских системах. Их, по мнению М.В. Ильина, «характеризует концентричность и иерархичность организации, наличие имперского центра, асимметричного и непрямого правления,

лимеса как переходной зоны от цивилизации к варварству» [9, с. 298]. Но главное, следует помнить об открытости империи как особой политической формы. Эта открытость империи внешнему миру, отмечают исследователи, порождена избытком общественных благ в доминирующем цивилизованном ядре и их дефицитом в окружающем «варварском» мире. Опираясь на идею Блага как универсального принципа имперской организации и анализируя процесс концентрации и распределения «общественных благ», включая их экспорт в «варварскую» среду», М.В. Ильин реконструирует общую логику образования и распада всех древних, окруженных варварской периферией империй Европы, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

Соглашаясь с реконструкцией данной логики, автор настоящей статьи отмечает, что идея обмена общественных благ цивилизации на политическую и иную лояльность «варварских народов» может быть использована как типическая черта коммерческих и «народных (спонтанных) колонизаций», характерная и для других империй уже Нового времени. В этом контексте между ними просматриваются любопытные параллели и «перпендикуляры», в частности, между Россией и США. Можно в полном смысле именовать США колониальной страной и либерально-демократической империей, по способу образования очень схожей с имперской Россией. Об их сходствах и различиях автор настоящей статьи писал ранее [10]. Здесь же следует подчеркнуть лишь одно обстоятельство.

Соединенные (Североамериканские) Штаты Америки были задуманы «отцами-основателями» как своеобразная реинкарнация Римской империи. Это выразилось не только в имперском стиле архитектуры первых городов США, названии некоторых политических учреждений, но и в заимствовании социокультурной модели управления территориями, которая строилась «по образу и подобию» Республиканского имперского Рима. Последний в провинциях и государствах-сателлитах реализовывал стратегию «плавильного котла»: политическую и культурную «латинизацию» (романизацию) инородческого населения (прежде всего местных элит) присоединяемых территорий, потенциально создающую возможность его интеграции в «надэтническую целостность». Правда, этот процесс социокультурного и политического интегрирования не только в Риме, но и в других империях (например, в царской России или СССР) так и не был завершен. Полиэтничность и мультикультурность империй, политический сепаратизм элит подвластных им территорий всегда таили в себе историческую возможность их распада на более однородные в этнокультурном отношении политические образования. *Эта возможность становилась действительностью в той мере, в какой имперско-цивилизационная система утрачивала расовый и этнокультурный баланс образующих ее групп населения.*

Устойчивость и перспективы всех цивилизаций характеризуются наличием этого баланса — доминированием в их составе групп населения одной расовой принадлежности и одного (базового) этноса: основного народа, его языка и создаваемой на его базе высокой культуры, которые формируют ценностно-смысловой каркас цивилизации и ее картину мира. Как только этот баланс нарушается, цивилизации начинают деградировать, переходя, по терминологии Л. Гумилева, в фазу обскурации. Наиболее характерный пример являет собой греко-римская цивилизация в ее классической форме Римской империи. Характерной чертой ее эволюции после перехода от республиканской формы правления к единовластной (в специфической форме приципата) оказалось постепенное демографическое сжатие «основного народа» империи (италийцев), утрата им доминирующего положения и представительства в кадровом составе государства и его основных институтов.

В частности, начиная с I в., военная служба, бывшая делом чести и предметом амбиций в Римской республике, постепенно становится обременительной обязанностью для жителей Апеннинского полуострова. В отличие от аборигенов инокультурных провинций, они не нуждались в «римском гражданстве», которое гарантированно давала служба в армии. Она также была самым надежным социальным лифтом для покоренных варваров, которые за 300 лет эпохи принципата сформировали новую военную элиту. Во II в. ее число пополнили галлы и иберийцы, а столетие спустя — африканцы и иллирийцы. *Так оформилась тенденция метисизации и провинциализации элит, опережавшая процесс их романизации.*

Даже государственный корпус «римских императоров» все чаще формировался из инокультурных провинциалов: «Так, например, Отон (69 г. н. э.) был выходцем из Этрурии; Траян (98–117 гг. н. э.) — из Умбрии, но фактически провел юность в Испании; Антонин Пий (138–161 гг. н. э.) и Кар (282–283 гг. н. э.) — из Нарбоннской Галлии; Вителлий (69 г. н. э.) и Веспасиан (69–79 гг. н. э.) были сабинянами; Пертинакс (193 г. н. э.) — лигурийцем; Песцений Нигер (193 г. н. э.) и Септимий Север (193–211 гг. н. э.) — африканцами. Последний до конца своих дней говорил с сильным африканским акцентом, а его жена (сирийка) не знала ни слова по-латински» [11]. Данный перечень с каждым десятилетием пополнялся новыми людьми. Почти все они приходили к власти с помощью оружия: были «солдатскими императорами». И эта же тенденция была распространена на сферу гражданской администрации: *властная вертикаль Рима оказалась подвержена серьезной этнокультурной трансформации.*

Приведенный исторический пример не противоречит ранее изложенному тезису о продуктивности имперской парадигмы развития для многонаrodnых социумов. В большинстве случаев империи оказывались наилучшими политическими формами легитимного сосуществования

этносов в одном государстве. Особенно в условиях экономического и культурного расцвета империй, появления и господства на их территориях одной из основных монотеистических религий в качестве государственной идеологии. Принадлежность к ней создавала возможность ротации иноземных элит в имперский правящий класс, размывала этническое самосознание, заменяя его надэтнической лояльностью империи. Так было в Византийской империи, где православие заменяло этническую принадлежность общим понятием «ромей». Среди византийской знати важным было число фамилий самого разного иноземного происхождения. Высшие военные и гражданские должности занимали лица латинского, арабского, турецкого, кавказского, славянского происхождения. Этническое самосознание у иноземных представителей византийской знати отсутствовало [12]. Принятие ислама в Османской империи могло открыть путь к высшим постам тому, кто не был этническим турком. Из шести человек, имевших в Турции в период войн середины XIX в. титул генералиссимуса, только один был этническим турком, остальные — чеченец, черкес, венгр, немец, еврей. Но все они осознавали себя турками и подданными султана. Та же ситуация была характерна для Российской империи, славу которой составили сотни государственных деятелей с иностранными именами.

Значительную, если не определяющую роль во всех перечисленных случаях играла высокая степень креативности и образованности «иноземцев», способствующая их социокультурной интеграции в имперскую целостность, трансперсональная идеология которой характеризовалась внутренним космополитизмом.

Внутренний космополитизм, безусловно, был характерен для Римской империи времен принципата и более поздних времен. *Но ее императоры и сенат, возводя новые города со всеми атрибутами римской культуры в 32 имперских провинциях, никогда не ставили задачи федерализации империи, предполагающей увеличение возможностей самоуправления ее территорий и массового образования их многомиллионного населения.* Оно продолжало жить в пределах этноплеменных мифологий, и паллиативные меры вроде привоза статуй богов покоренных народов в Рим или совмещения в одном храме римских и неримских божеств лишь стимулировали религиозный плюрализм. А неграмотность и жестокость все увеличивающегося населения империи оказывались серьезным препятствием для его тотальной христианизации. Она происходила крайне неравномерно в западной и восточной частях имперского социума. В конечном счете, его западная часть распалась не только под напором внешних (варварских) вторжений, но главным образом под дезинтегрирующим влиянием внутреннего варварства — многочисленных инокультурных переселенцев из германских и иных племен, которые Рим так и не смог ассимилировать и которые в V в. образовали «варварские королевства» на месте имперских провинций.

Такая же участь постепенной деградации ждет евро-атлантическую цивилизацию и ее «ядро» — США, если тенденция нарушения этнокультурного и расового баланса, не соотнесенная с политикой опережающей социокультурной ассимиляции, в странах Евро-Атлантического региона будет продолжена. Во многом это связано с политикой расового разнообразия, которую продолжают исповедовать большинство государств Запада. Присмотримся к ней внимательнее.

Политика расового разнообразия. С исторической точки зрения она возникла сравнительно недавно. Вплоть до второй половины XX в. в большинстве стран западной Европы, Канаде, Австралии, США и многих других по умолчанию, а где-то открыто (США) действовала политика расовой сегрегации и этнического доминирования. Она апеллировала к популярным в те годы антропологическим учениям, базировавшимся на дарвиновской теории эволюции видов и рассматривавшим расы как подвиды *Homo sapiens*, которые не должны смешиваться. Разумеется, это подводило «научную базу» под политический и культурный расизм, но строго говоря, политика сегрегации способствовала сохранению расового и этнического баланса во многих государствах мира. А мир, несмотря на непрекращающиеся локальные конфликты и войны, холодную войну между США и СССР, был разделен на страны золотого миллиарда, полупериферию и периферию, эмиграция из которой была не столь значительной, чтобы вызвать серьезные опасения. Правда, уже в 1990-е годы дальновидные теоретики, в частности С. Хантингтон, предупреждали об опасности утраты США и Западом цивилизационной идентичности. Но они не были услышаны. *Возобладал расовый и этнический дальтонизм, ставший предпосылкой появления и использования концепции расового разнообразия в европейских странах.*

Так, в 2000 г. министр внутренних дел Франции Жан-Пьер Шевенман заявил, что Европа должна стать местом смешивания рас и что правительства должны приложить усилия, чтобы убедить европейцев принять этот факт. А спустя 7 лет оба кандидата в президенты Франции (социалист Сеголен Руаяль и консерватор Николя Саркози) поддержали эту идею. Однако многотысячные волны мигрантов с Ближнего Востока, из Северной Африки и Афганистана, захлестнувшие Европу в 2014–2016 гг. и быстро превратившие многие страны благополучной Европы в «Новый Вавилон», немного отрезвили расовых и культурных оптимистов. Только за 2015 г. в Германии было зарегистрировано более 442 тыс. беженцев из стран Ближнего Востока. Заявки на получение убежища в ЕС тогда подали более 1,2 млн человек. Сколько мигрантов остались на нелегальном положении, остается догадываться. С тех пор ситуация только обострялась. Несколько государств, в том числе Чехия, Венгрия, Румыния и Словакия, отказались принимать мигрантов. Тогда некоторые страны ЕС ужесточили миграционные нормы: сократили

сроки пребывания кандидатов на получение статуса беженца, снизили размеры пособий, усилили карательные механизмы по выдворению нелегальных мигрантов за пределы Евросоюза.

Казалось, перечисленные меры должны были снизить миграционный поток и упростить интеграцию тех, кого уже приняли. Но план не сработал: беженцы продолжали прибывать. И с этого момента (2020) *миграционный кризис постепенно начал превращаться в кризис европейского единства*. Выяснилось, что далеко не все европейцы готовы принимать искателей лучшей жизни и оплачивать им эту жизнь своими налогами. Многих смущает не только экономическая нагрузка на национальные европейские государства, вынужденные содержать десятки и сотни тысяч иммигрантов, сколько откровенное нежелание последних интегрироваться в новую конфессиональную, социальную, политическую и культурную среду. Они предпочитают жить общинами, сохраняя собственный культурный и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах.

Это было замечено всеми, кто задумывался над возможностями культурного «самоупразднения» европейских государств в ходе тотального изменения их культурно-национального ландшафта. Но значительных политических последствий данный демарш интеллектуалов до сих пор не получил. Подавляющее число политиков Запада не воспринимают всерьез проблему фрагментаризации (утраты, размывания) складывавшихся веками традиционных идентичностей, вызванную наплывом расово иных инокультурных мигрантов. А научные исследования в области человеческого разнообразия, специфики интеллектуального потенциала, особенностей девиантного поведения, моральных и прочих ценностей представителей разных рас подвергаются яростным нападкам под предлогом «расизма» и по причинам, с наукой ничего общего не имеющим.

Напомним: термин «раса» возник еще в XVIII столетии в границах физической антропологии, которая зафиксировала объективные антропологические различия между людьми. Цвет кожи, особенности строения тела, обменных процессов, наследственности — эти и другие физиологические различия имеют объективный характер, и ученые-антропологи, признающие биосоциальный характер природы человека, данные различия учитывают. Таким образом, раса была и остается компонентом научной (антропологической) реальности, и отказываться от него только потому, что его используют дельцы от политики, наука не спешит. Свидетельством тому набирающее силу в последние годы направление расового реализма, который следует рассмотреть подробнее.

Расовый реализм и критическая расовая теория. Термин «расовый реализм» в его современной трактовке впервые был использован

в начале 1970-х годов известным американским психологом и генетиком Артуром Дженсенем (1923–2012), который указывал на биологическую реальность рас, различающихся физиологически, поведенчески, генетически и фенотипически. Этот подход сейчас разделяют такие известные ученые, как Дж. Филипп Раштон, Ричард Линн, Крис Брэнд, Фрэнк Зэлтер, Стэнли М. Гарн, Ричард Голдсби, Томас Джексон, Гедалия Браун, Вильям Боггс и, конечно, Джаред Тэйлор, которого по праву можно назвать идеологом расового реализма [13].

Разумеется, это направление исследований неоднородно. Общим является представление о том, что существование рас имеет биологический и генетический базис. Однако ученые никак не могут договориться о том, что следует понимать под термином «раса», сколько рас существует на нашей планете и как их классифицировать. Количество рас действительно впечатляет и варьируется от трех до нескольких десятков. Наиболее известным является представление о наличии пяти рас — европеоидной, монголоидной, австралоидной, американоидной и негроидной. При этом одни исследователи определяют расы как подвиды, или популяции, вида *Homo sapiens*, тогда как другие исходят из того, что расы представляют собой отдельные виды общего рода «человечество».

Таким образом, единства взглядов в среде современных антропологов по вопросам происхождения, числа и классификации рас нет до сих пор. Многие специалисты в области генетики и геномики, фиксируя незначительность генетических различий континентальных и субконтинентальных групп людей, ставят под сомнение продуктивность использования понятия «раса». И тем не менее не вводят нового термина для дифференциации очевидного человеческого разнообразия, выраженного, помимо внешних различий, в различиях психики и поведения, в том числе девиантного. Ранее автор настоящей статьи подробно анализировал теоретические взгляды представителей «расового реализма», подчеркивая, что в их работах отчетливо виден налет биологического фатализма [14]. Однако они опираются на большой массив демографических исследований и статистики. А он свидетельствует о грядущем уничтожении «белой расы» не только в Америке, но и в глобальном масштабе, а главное — о неэффективности политики «расового разнообразия» и «расового смешения», которую подняли на щит университетские интеллектуалы США, еще в 1970-х годах провозгласившие необходимость следования критической расовой теории (Critical Race Theory, CRT).

Спустя годы эта теория принесла плоды в виде обратного расизма: борьбы с так называемыми привилегиями белой расы, которая многократно усилилась после убийства белым полицейским чернокожего американца Джорджа Флойда и начала массовых протестов под лозунгом Black Lives Matter (BLM, Жизни чернокожих важны). В настоящее время эти протесты оформились в специфическую идеологию борьбы

с историческими привилегиями «белых»: они объявлены потомками угнетателей. И теперь в некоторых штатах США сносят памятники даже отцам-основателям, а профессора университетов стыдят белых студентов за то, что их предки могли угнетать этнические меньшинства. Потомкам предполагаемых расистов в ответ остается только оправдываться и следовать совету социолога Робин Джоан Дианджело «стать менее белыми», т. е. «порвать с белой солидарностью», которая интерпретируется в типично расистском ключе: каждый белый — расист от рождения и по воспитанию, так как с пеленок он впитывает расовые установки своего белого окружения.

В этом пункте идеологи CRT и BLM сходятся со сторонниками концепции расового реализма, обосновывающими врожденные поведенческие различия и предпочтения людей разной расовой принадлежности. Представители разных рас действительно предпочитают не смешиваться, а «жить на особицу»: в США на протяжении последних десятилетий «белые» забирают своих детей даже из некогда престижных, прекрасно оборудованных американских школ, как только в них начинают преобладать «латинос», афроамериканцы или азиаты. При этом «белые» американцы вообще все чаще переезжают в другие районы мегаполисов и другие города, чтобы жить в своей расовой среде. Их можно понять: они стремятся избежать даже не «культурного шока» вынужденного соседства, а банального насилия — нападения на «белых» стали видом забавы в США, с непременной съемкой на видеокамеру. Так вместо провозглашенной, но провалившейся расовой интеграции спонтанно и естественно возникает расовая сегрегация.

Она происходит на фоне очередного наплыва в 2023 г. экономических мигрантов из стран Латинской Америки. Как когда-то Римская и Китайская империи, США во времена Трампа попытались построить «Великую стену» на американо-мексиканской границе. Но закрыть границу не получилось. 11 мая 2023 г. истек срок действия последних пандемических ограничений на въезд в США, действовавших почти два года. С того времени количество желающих попасть в США увеличилось в разы, а попытки погранично-таможенной службы (СВР) сократить поток нелегалов не увенчались успехом. С октября 2022 г. по сентябрь 2023 г. СВР зафиксировала около 1,43 млн попыток нелегального проникновения через американо-мексиканскую границу. И ситуация продолжает оставаться крайне напряженной, поскольку власти некоторых городов США голосуют за принятие ими статуса «города-убежища», и, таким образом, «латинизация» населения США продолжает набирать темпы. Если в 1980 г. латиноамериканцы (основная расовая группа мигрантов, прибывающих сегодня в Америку) составляли лишь 6 % населения США, то в 2020 г. их доля достигла 19,5 %. Еще более быстрыми темпами растет доля их новорожденных детей:

в 2022 г. процент «латинос» составлял уже 25,5 % от общего числа рожденных в США.

Подводя итоги статьи, можно сделать следующие выводы.

1. Расово-этнический баланс населения Западной Европы и США продолжает стремительно меняться. А вместе с ним разрушается ценностно-смысловой каркас всей евро-атлантической цивилизации, устойчивость и геополитическую экспансию которой гарантировали когда-то западноевропейские христианские ценности. Теперь они вытесняются правами и свободами разнообразных меньшинств, а население из неблагополучных стран Азии, Африки и Латинской Америки массово эмигрирует в США и Европу. Особенно тяжелая ситуация на Африканском континенте. Помимо неухаживаемых межэтнических конфликтов (только в 2021 г. их число превысило 7000) и коррупции, усиливается глобальное потепление, которое влечет за собой стремительное опустынивание Северной Африки и неумолимо расширяет географию голода, ежегодно принуждая сотни тысяч людей искать лучшей доли за пределами континента. Конфликты на Ближнем Востоке усугубляют ситуацию. Поэтому в обозримой перспективе Европа столкнется с еще одним «великим переселением народов», череда которых в свое время погубила великий Рим, а грядущие, с большой вероятностью, чреватые дальнейшей эрозией ценностно-смысловых оснований евро-атлантической цивилизации.

2. Осуществленная США временная коллективизация Запада на основе геополитической «отмены России» не имеет исторической перспективы. Она деградирует после достижения Россией всех целей СВО и ее экономического усиления. Появятся новые центры силы, которые будут формироваться вокруг крупных государств-цивилизаций. Их возникновение всегда оказывалось важным фактором мировой динамики, формируя попеременно меняющиеся центры международного развития: места военного, социально-экономического и культурного доминирования в пределах нескольких географических регионов одной из крупных цивилизаций.

3. Настоящее время очевидно демонстрирует смену полюсов всемирно-исторической эволюции: переход от доминирования евро-атлантической цивилизационно-имперской системы, возглавляемой США, к многополюсной системе международных отношений, ключевые позиции в которой будут, помимо «англосаксонского мира», принадлежать и другим большим «государствам-цивилизациям», одной из которых является современная Россия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алаев Л.Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и России. *Историческая социология и психология истории*, 2008, № 2, с. 87–112.

- [2] Тишков В.А. Нация, национализм и нацистроительство. *Россия в глобальной политике*, 2021, № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziya-nacziionalizm/> (дата обращения 12.05.2022).
- [3] Летняков Д.Э. Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории. *Личность. Культура. Общество*, 2021, т. XXI, вып. 3, с. 57–69.
- [4] Гранин Ю.Д. Цивилизационный подход. Становление и эволюция. *Проблемы цивилизационного развития*, 2020, т. 2, № 3, с. 65–85.
- [5] Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России. *Вопросы философии*, 2020, № 12, с. 34–44.
- [6] Тилли Ч. *Война и строительство государства как организованная преступность*. URL: <https://philpapers.org/rec/TILWMA> (дата обращения 12.05.2022).
- [7] Абалов А., Иноземцев В. *Бесконечная империя. Россия в поисках себя*. Москва, Альпина Паблишер, 2021, 426 с.
- [8] Ливен Доминик. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. Москва, Европа, 2007, 688 с.
- [9] Ильин М.В. Трансформация патримониальных и имперских порядков в современных условиях. *Российский Кавказ. Проблемы, поиски, решения*. Москва, Аспект Пресс, 2015, с. 287–303.
- [10] Гранин Ю.Д. Последняя либеральная империя. *Вестник Российской Академии Наук*, 2009, т. 79, № 6, с. 530–538.
- [11] Павлов Ю.А. *Национальный состав римской армии в эпоху принципата*. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=891827> (дата обращения 07.01.2024).
- [12] Каждан А.П. *Социальный состав господствующего класса Византии в XI–XII вв.* Москва, Наука, 1974, 296 с.
- [13] Боггс В.Р., Джексон Т. *Гонка со временем. Расовые ереси в XXI столетии*. Москва, Кучково поле, 2016, 346 с.
- [14] Гранин Ю.Д. Расовый плюрализм в эпоху постмодерна. Проблемы и перспективы. *European Journal of Philosophical Research*, 2017, no. 4, pp. 11–22.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Гранин Ю.Д. Расово-этнический баланс цивилизаций. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 3. EDN OHKRKE

Гранин Юрий Дмитриевич — д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: maily-granin@mail.ru

Racial–ethnic balance of civilizations

© Yu.D. Granin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 109240, Russia

The paper proposes the author’s vision of civilizations and their structure based on the socio-constructivist understanding of the history of humanity. It shows that maintaining the racial–ethnic balance in population structure of the civilization entities (states-civilizations) is a significant factor in their evolution or decline. Specific historical examples prove positive significance of the empires as the best political form in the civilization emergence, development and propagation over the large territories. The paper provides comparative analysis of the racial realism and racial diversity concepts, their advantages and disadvantages are identified. It substantiates the need to maintain racial-ethnic balance in the modern states-civilizations. The paper concludes that violation of this balance in the EU and the USA contributes to the West decollectivization, and in the more distant future – to degradation of the entire Euro-Atlantic civilization.

Keywords: West decollectivization, empire, race, racial realism, civilization, ethnos

REFERENCES

- [1] Alaev L.B. Smutnaya teoriya i spornaya praktika: o noveyshikh tsivilizatsionnykh podkhodakh k Vostoku i Rossii [Vague theory and controversial practice: on the latest civilizational approaches to the East and Russia]. *Istoricheskaya sotsiologiya i psikhologiya istorii — Social Evolution & History*, 2008, no. 2, pp. 87–112.
- [2] Tishkov V. Natsiya, natsionalizm i natsiestroitelstvo [Nation, nationalism and nation construction]. *Rossiya v globalnoy politike — Russia in Global Affairs*, 2021, no. 2. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziya-naczionalizm/> (accessed May 12, 2022).
- [3] Letnyakov D.E. Tsivilizatsii kak “voobrazhaemye soobshchestva”. K konstruktivistskoy kritike tsivilizatsionnoy teorii [Civilizations as the imagined communities: towards constructivist critique of the civilization theory]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo — Personality. Culture. Society*, 2021, vol. XXI, iss. 3, pp. 57–69.
- [4] Granin Yu.D. Tsivilizatsionnyi podkhod. Stanovlenie i evolyutsiya [“Civilizational approach”. Formation and evolution]. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya — Civilization Studies Review*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 65–85.
- [5] Granin Yu.D. “Tsivilizatsiya” i tsivilizatsionnaya evolyutsiya Rossii [“Civilization” and civilizational evolution of Russia]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2020, no. 12, pp. 34–44.
- [6] Tilly Ch. *War Making and State Making as Organized Crime*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985 [In Russ.: Tilli Ch. *Voyna i stroitelstvo gosudarstva kak organizovannaya prestupnost*]. Available at: <https://philpapers.org/rec/TILWMA> (accessed May 12, 2022).
- [7] Abalov A., Inozemtsev V. *Beskonechnaya imperiya. Rossiya v poiskakh sebya*. [Endless empire. Russia in search for itself]. Moscow, Alpina Publisher, 2021, 426 p.
- [8] Lieven D. *Empire: the Russian Empire and its Rivals*. John Murray, Yale University Press, 2003 [In Russ.: Liven D. *Rossiyskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dney*. Moscow, Evropa Publ., 2007, 688 p.].

- [9] Ilyin M.V. Transformatsiya patrimonialnykh i imperskikh poryadkov v sovremennykh usloviyakh [Transformation of patrimonial and imperial order under the modern conditions]. *Rossiyskiy Kavkaz. Problemy, poiski, resheniya — Russian Caucasus. Problems, Search, Solutions*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015, pp. 287–303.
- [10] Granin Yu.D. Poslednyaya liberalnaya imperiya [Last liberal imperia]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk — Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2009, vol. 79, no. 6, pp. 530–538.
- [11] Pavlov Yu.A. *Natsionalnyi sostav rimskoy armii v epokhu printsipata* [National composition of the Roman army during the Principate]. Available at: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=891827> (accessed January 7, 2024).
- [12] Kazhdan A.P. *Sotsialnyi sostav gospodstvuyushchego klassa Vizantii v XI–XII vv.* [Social composition of the ruling class of Byzantium in the 10th–11th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 296 p.
- [13] McDaniel G. (editor). *A Race against Time. Racial Heresies for the 21st Century*. New Century Books, 2003 [In Russ.: Boggs V.R., Jackson T. Gonka so vremenem. Rasovye eresi v XXI stoletii. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2016, 346 p.].
- [14] Granin Yu.D. Rasovyi plyuralizm v epokhu postmoderna. Problemy i perspektivy [Racial pluralism in the postmodern era. Problems and perspectives]. *European Journal of Philosophical Research*, 2017, no. 4, pp.11–22.

Granin Yu.D., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. e-mail: maily-granin@mail.ru